

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

М.С. Горбачев о судьбе Советского Союза

Предлагаем вниманию читателей текст интервью, которое было дано экс-президентом СССР **Михаилом Сергеевичем ГОРБАЧЕВЫМ** доктору философских наук **Вадиму Валентиновичу ЗАГЛАДИНУ**.

В.З.: Михаил Сергеевич, в декабре 1991 года прекратил свое существование Советский Союз. Этот трагический излом событий потряс весь мир. За рубежом, как сейчас признают исследователи и политики-практики, никто его не предвидел. И, судя по всему, никто (кроме оголтелых антикоммунистов) не хотел такого исхода. Как Вы сейчас оцениваете это событие?

М.Г.: Так же, как и в 1991 году. Это действительно была трагедия для граждан страны, для всех входивших в ее состав республик. Я тогда не мог согласиться с расчленением страны, с разъединением государства и сейчас считаю, что это была грубейшая ошибка. Союз можно было сохранить.

Сегодня значительная часть тех бед, с которыми сталкиваются народы бывшего Союза, в том числе россияне, - это результат развала общего государства, разрушения веками формировавшегося единого экономического, политического, правового, информационного, военно-стратегического пространства.

Распад Союза радикально изменил ситуацию в Европе и в мире, нарушил геополитическое равновесие, подорвал возможность осуществления многих, уже наметившихся к концу 1991 года позитивных процессов в мировой политике. Убежден, мир сегодня жил бы более спокойно, если бы Союз (конечно, в обновленной, реформированной форме) продолжал сохраняться.

В.З.: Но что и как привело к такому горестному финалу? Ведь Советский Союз выглядел такой глыбой, таким могучим государством, сплотившим людей более чем 100 наций и народностей. Или это только казалось?

М.Г.: Нет, не казалось. Советский Союз действительно был могучим многонациональным государством. И его распад отнюдь не был неизбежным. Иногда его называли (да и сейчас называют) империей. Но это отнюдь не была империя в общепринятом смысле слова.

Советский Союз - страна, исторически сложившаяся на протяжении многих столетий. Да, в ходе его формирования было и добровольное объединение с Россией тех или иных территорий, народов, и завоевательные войны царизма. Был и совместный поиск народами взаимной выгоды, были несправедливости, насилие. Но такова история. Итогом ее стало государство, являвшееся органическим целым (разумеется, при огромном внутреннем своеобразии составляющих его частей). Оно прошло большой путь, конечно, тоже с серьезными трудностями, бурными перипетиями и даже трагедиями. Это государство выдержало испытания Великой Отечественной войны, не распалось, выстояло.

Существовали ли в Советском Союзе проблемы, в том числе национального характера? Да, и политические, и экономические, и социальные, и национальные. Но это были проблемы не страны, а утвердившейся системы. Административно-бюрократическая, тоталитарная система не только не способствовала решению накапливавшихся проблем, но обостряла, углубляла их. В результате к 80-м годам страна вступила в период серьезного кризиса. Ради его преодоления и была начата перестройка.

В числе существовавших у нас проблем были и национальные. Я хорошо знал это по своему многолетнему опыту будучи секретарем Ставропольского крайкома КПСС. Понимал: взаимоотношения людей различных национальностей, их совместное проживание - неотъемлемая составная часть реальной жизни нашего общества. Отдавал себе отчет в том, сколь важно бережно, деликатно относиться к этой тонкой материи.

Поначалу, после революции 1917 года, В. Ленин сформулировал принцип: признание права наций на самоопределение, вплоть до отделения, и строительство федерации равноправных республик как способ сохранить целостность многонационального государства.

Но И. Сталин круто изменил этот курс. Формально федерация сохранялась. Но самостоятельность республик была сведена до уровня обычного самоуправления. Союз превратился в сверхцентрализованное, унитарное государство. А в его рамках центр (по сути дела, партия) распоряжался, как хотел: произвольно кроились границы, допускались грубейшие нарушения прав тех или иных наций, а в годы войны и сразу после нее многие народы были репрессированы. Их выселили с исконных земель, выслали в отдаленные районы страны. Десятки тысяч людей тогда просто погибли. Но даже в этих условиях сближение и объединение позволили нациям резко ускорить свое развитие. Повсюду в республиках крепла национальная культура, возникал свой рабочий класс, своя интеллигенция. Народы все яснее ощущали свою идентичность.

Иначе говоря, процессы шли противоречиво. Их развитие требовало внимания, соответствующей реакции со стороны центра. Но ее не было. Накапливались острые и все не решавшиеся вопросы. Почему так происходило? Официальное мнение состояло в том, будто межнациональные отношения в стране достаточно благополучны и в общем не существуют серьезных проблем. Ошибки, допускавшиеся в области национальных отношений, оставались в тени, и говорить о них было не принято.

С началом перестройки мы не могли не обратить внимание на эту чрезвычайно важную сферу жизни общества. Именно поэтому на XXVII съезде партии, сформулировавшем программу предстоящих действий, было специально подчеркнуто: "...Наши достижения не должны создавать впечатления о беспределности национальных процессов. Противоречия свойственны всякому развитию, неизбежны они и в этой сфере. Главное - видеть постоянно возникающие их аспекты и грани, искать и своевременно давать верные ответы на вопросы, которые выдвигает жизнь".

В.З.: Но претворялась ли в жизнь эта установка?

М.Г.: Констатация, сделанная на съезде, была справедливой, своевременной. Но в решении национального вопроса мы все-таки понесли много потерь. И это было связано с нашим запаздыванием, а иногда и с ошибочными решениями. Ведь пришлось пройти путь от традиционной позиции до формирования политики, нацеленной на преобразование бюрократического унитарного Союза в демократическую федерацию независимых государств.

В.З.: Отдавали ли Вы тогда себе отчет в том, что речь должна идти не только и не столько о решениях наиболее острых проблем, сколько о смене подходов? То есть о выработке принципиально новой политики в национальном вопросе?

М.Г.: Да, к этому времени идея о необходимости новой политики созрела. На февральском (1988 года) Пленуме ЦК КПСС я предложил посвятить один из следующих пленумов проблемам национальной политики. Но с проведением пленума мы запоздали - он состоялся лишь полтора года спустя.

Конечно, это не означает, что мы не занимались национальными проблемами. На XIX Всесоюзной конференции КПСС национальная проблема рассматривалась в общей рамке политики перестройки, экономической и политической реформ. "Вопросы межнациональных отношений, - говорилось в докладе, - нам следует рассмотреть и в контексте нынешнего этапа развития советского многонационального государства. Выступая за дальнейшее укрепление межнациональных отношений, мы исходим из того, что развитие советского союзного государства, интернациональные связи и братство наших народов - это живые, динамичные процессы. Они должны быть постоянно в поле зрения и республиканских и союзных органов. Связанные с ними проблемы надо решать, опираясь на волю народов, их взаимное согласие, с учетом интересов всех советских людей".

Во главу угла мы поставили разработку и осуществление крупномасштабных мер по

дальнейшему развитию и укреплению нашего Союза. Началась подготовка предложений по разграничению компетенции Союза ССР и союзных республик, передаче республикам ряда управленческих функций, определению оптимальных вариантов возможного перехода республик и регионов на принципы хозрасчета, развития прямых связей между ними с четкой конкретизацией вклада в решение общесоюзных программ.

Жизнь подвела нас к необходимости обновить законодательство о союзных и автономных республиках, автономных областях и округах, расширить правовые гарантии в реализации национально-культурных запросов национальностей, проживающих за пределами своих государственно-территориальных образований. Срочно требовалось принятие союзного закона о свободном развитии и равноправном использовании языков народов СССР.

Итак, национальный вопрос мы рассматривали в рамках всей политики перестройки, ориентируясь, с одной стороны, на уважение прав народов республик, наций и народностей, на максимальное их удовлетворение, а с другой - на укрепление Союза путем его глубокого реформирования, превращения в настоящую федерацию. Речь шла об очередном этапе политической реформы, о чем и было сказано в канун нового, 1989 года: "Впереди у нас важный очередной этап политической реформы, имеющей целью гармонизацию межнациональных отношений".

В.З.: Вы, следовательно, настойчиво выдвигали на первый план политические методы решения возникавших проблем. Удалось ли Вам удержать ход событий в этих рамках? Судя по событиям в Тбилиси, Баку, затем в Литве, - не удалось. Правилен ли такой вывод?

М.Г.: В целом неправилен. События, о которых Вы говорите, были различны по характеру, хотя и имели однозначно негативные последствия.

Особую остроту приобрела ситуация в Прибалтике. Руководители партии, в том числе и я лично, много раз встречались с представителями трех республик - вместе и по отдельности. Я подчеркивал: право на самоопределение вплоть до отделения - неотъемлемое суверенное право, но старался убедить, что отделение противоречит интересам народов. Самостоятельность, перераспределение полномочий, децентрализация - да. Но при сохранении сотрудничества и взаимодействия. Критиковать федерацию бессмысленно - у нас ее никогда не было, мы жили в унитарном государстве. Давайте сначала поживем при настоящем федеративном устройстве, а уж потом определимся.

29 января 1990 года Политбюро рассмотрело вопрос о представленных проектах законов и поправок к Конституции, касавшихся решения национальных проблем. На этом заседании я, в частности, сказал: "Первый закон, который надо разработать, - это механизм выхода из СССР. Так и назвать этот закон. Второй закон - о подготовке новой Конституции. Там-то и дать варианты федеративных отношений. Четко сказать: если уходите - пожалуйста, но по закону. Если же остаетесь добровольно, то все отношения между республиками и Центром, между самими республиками строятся в рамках федерации. При этом четко обозначить, что одни отношения будут ближе к принципу унитарности государства, другие - ближе к конфедеративным отношениям".

Закон о выходе из Союза был принят 3 апреля 1990 года. Но в канун его принятия новое руководство Литвы демонстративно объявило о независимости республики. 22 марта во время обсуждения сложившейся ситуации на Политбюро генерал Варенников предложил объявить чрезвычайное положение, президентское правление, ввести войска, "изолировать" руководителей республики, осуществив это под предлогом обращения "патриотических сил". Решений по этому поводу принято не было. Но сам по себе факт такого выступления симптоматичен для настроений определенной части военных, да и не только военных кругов.

В конце апреля 1990 года от литовского руководства стали поступать сигналы о готовности вступить в диалог с представителями центра. Имелось в виду, что решения, принятые Верховным Советом Литвы, могут стать предметом обсуждения и приостановления. Литва не будет возражать против интерпретации Декларации независимости как акта, согласно которому речь идет о статусе республики как "ассоциированного члена обновленного Советского Союза". Конкретная же реализация этого подхода должна быть итогом поэтапного процесса, согласованного с Союзом. Это была основа для поиска практического решения.

В.З.: Это малоизвестный, но очень интересный факт. Но ведь он говорит о том, что тогда открывалась возможность именно политического решения, не подрывающего идеи обновления Союза. Что же помешало достичь согласия?

М.Г.: Да, это малоизвестный факт. О нем я написал в мемуарах... А что помешало? Возникло новое обстоятельство, в корне изменившее атмосферу и прежде всего в национальных делах.

12 июня 1990 года Верховный Совет России принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Вслед за этим актом последовало принятие аналогичных деклараций другими республиками - не только союзными, но даже и автономными. Начался "парад суверенитетов". Поиск путей согласия с Литвой был сорван.

В.З.: Объявление Россией суверенитета имело, как известно, и далеко идущие последствия. Дело было не только в срыве согласия с Литвой...

М.Г.: Конечно. По сути дела, как показал весь последующий ход событий, решение Верховного Совета РСФСР о суверенитете летом 1990 года оказалось толчком процесса, приведшего к развалу Союза. Если хотите - первопричиной этого развала.

Избранный на пост Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин уже в первых своих выступлениях поставил вопрос об объявлении Россией своего суверенитета. Причем понимал он суверенитет России весьма своеобразно.

Вот, например, выступая на первом Съезде народных депутатов России, он говорил: "...самый главный первичный суверенитет в России - человек, его права. Дальше - предприятие, колхоз, совхоз, любая другая организация - вот где должен быть первичный и самый сильный суверенитет. И, конечно, суверенитет районного Совета как какого-то другого Совета".

Мне пришлось ему ответить. На том же Съезде народных депутатов России я, поддержав стремление укрепить суверенитет республики в рамках обновленного Союза, отметил: "... Борис Николаевич утверждает, что суверенитет принадлежит и человеку, и предприятию, и районному Совету. Но я должен вам сказать: ни теоретически, ни политически этот тезис не проработан. Это очень сомнительный тезис, и он доводит вопрос о суверенитете до абсурда, создает такие перегородки, которые вообще подтолкнут сепаратизм в самой Российской Федерации и столкнут народы республики..."

Но, видимо, выдвигая свои формулы, Ельцин исходил из популистских расчетов, стремился угодить избирателям, особенно руководителям автономных республик. И не случайно вскоре после Съезда народных депутатов РСФСР, совершая поездку по стране, он продолжал "углублять" свои соображения. В Татарстане он говорил: "Какую самостоятельность изберет для себя Татария, ту мы и будем приветствовать"; в Башкирии: "...возьмите ту долю власти, которую сами сможете проглотить". Правда, потом, когда Чеченская республика затребовала ту самую долю, которую решила взять, и объявила независимость, началась война...

Но дело заключалось не только в том, как понимать суверенитет внутри России, хотя это (теперь стало ясно) было весьма опасным. Дело было и в том, как понимал Ельцин суверенитет России внутри Союза. Сразу после избрания на пост Председателя Верховного Совета РСФСР он заявил: "Основываясь на Декларации о суверенитете, которая будет принята, на необходимых законах, Россия будет самостоятельной во всем, решения ее должны быть выше союзных". Практически это означало: Россия не Союз, на союзные власти обращать внимания не будет, общефедеральные решения выполнять не собирается.

А немного позднее Ельцин внес дополнительную ясность в этот вопрос, заявив (это было в республике Коми): "...учитывая, что мы от союзной структуры отказываемся, от всех министерств союзных отказываемся, все на себя берем, в России тоже не будет той бюрократии".

От союзной структуры отказываемся - как это надо было понимать? Как выход России из федерации? Ну, а насчет бюрократии - после 1992 года в России стало больше чиновников, служащих, т.е. "бюрократии", чем до этого было во всем Союзе.

Я уже говорил, что действия России вызвали обвальное провозглашение всеми союзными и многими автономными республиками своих суверенитетов — "парад суверенитетов", они помешали наладить конструктивный диалог с Литвой, фактически положили начало развалу Союза.

Скажу откровенно: ни тогда, ни теперь никто не может объяснить, почему Россия нуждалась в независимости от СССР. Простейший вопрос: от кого Россия должна была стать независимой? От самой себя? Этот вопрос ставит в тупик и обезоруживает тех, кто пытается доказать необходимость действий российского руководства. Помню, после принятия закона о суверенитете России я сказал Ельцину: "Борис Николаевич, у нашей страны, у СССР, есть два обруча: Союзная Федерация и Российская Федерация. Если один из них рассыплется, то все..."

В.З.: Неужели Ваш собеседник этого не понимал? А если понимал, то чем же руководствовался?

М.Г.: Понимал. Но поэтому и действовал. Сейчас, оглядываясь на все происшедшее тогда, отчетливо видно: курс на развал Союза, на "овладение" Россией, на взятие власти уже тогда был для Ельцина и его окружения главным ориентиром. Конечно, он в тот момент, да и позже (до путча 1991 года) не мог действовать открыто: он не получил бы поддержки даже со стороны большинства тех людей, которые его окружали. Но подспудно дело было именно в этом.

В самом начале 1991 года работа над проектом нового Союзного договора стала набирать обороты. Но шла она в крайне сложной обстановке: как радикально-демократические, так и консервативные противники обновления федерации резко активизировали свои действия, стремясь не допустить реализации намеченных и одобренных Съездом народных депутатов планов.

В.З.: А кто в то время был более активным - радикальные демократы или консерваторы?

М.Г.: Активными были оба течения. Но в самом начале года наибольшую энергию продемонстрировали радикальные демократы. Они постарались использовать события в Вильнюсе и Риге, представив их как "заговор консерваторов в Кремле". Да и любая акция союзных властей подавалась ими в том же духе.

Ельцин совершил тогда поездку в Латвию и Эстонию. Выступая на пресс-конференции после ее завершения, он заявил: защитить суверенитет России без российской армии, "видимо, не удастся". Итак, российская армия должна была защищать суверенитет России против союзной армии, на 80% состоящей из россиян. Нелепость и грубейшее нарушение Конституции СССР! Это мне пришлось прямо заявить с трибуны Верховного Совета СССР.

В том же выступлении Ельцина содержалось и другое заявление (воспроизвожу его по сообщению "Известий"). Ельцин сказал о том, что руководители четырех крупнейших республик - России, Украины, Белоруссии и Казахстана - решили, не дожидаясь Союзного договора, заключить между собой четырехсторонний договор по всем позициям, а для этого собраться в ближайшее время в Минске (точная дата не была названа).

"Нам кажется, - заявил Ельцин, - что такая акция явится хорошим стабилизирующим фактором для всего общества. К нашему договору смогут потом при желании присоединиться другие республики и союзный центр".

Эта идея тогда не была реализована. Но ведь фактически речь шла об открытой попытке не только подорвать Союзный договор, но и поставить под сомнение существующее государство.

Интересная деталь: в интервью итальянской газете "Република" (17 декабря 1991 года) Ельцин, говоря об истоках идеи Беловежского соглашения, рассказал, что документы, о которых идет речь, сохранились и "8 декабря 1991 года в Минске мы их вновь проанализировали. Вот почему нам удалось достигнуть согласия всего за день с небольшим". "Связь времен" - налицо.

Августовский путч сорвал процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами, осложнил и подстегнул дезинтеграцию не только государства, но и общества. 22 августа Ельцин издал указ "Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР", предусматривавший передачу РСФСР всех предприятий и организаций союзного значения, находившихся на ее территории, за исключением тех, управление которыми по российским законам передано органам СССР.

24 августа Верховный Совет Украины провозгласил ее независимым демократическим государством, заявив, что с этого момента действующими на ее территории являются лишь Конституция, законы, постановления правительства и другие акты законодательства республики. В постановлении говорилось, что этот шаг предпринят, "исходя из смертельной опасности, нависшей над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года". 25 августа независимость провозгласили Белоруссия, затем Молдавия, Азербайджан, Киргизия, Узбекистан. 28 августа руководство РСФСР объявило, что Россия устанавливает свой контроль над Государственным банком СССР и Внешэкономбанком СССР.

Этим определялись моя позиция, все мои действия в ходе чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР, созванной сразу после путча и принявшей решение о безотлагательном проведении внеочередного Съезда народных депутатов СССР. Выступив на сессии, я сказал: "создалась реальная угроза развала Союза. Если это произойдет, все разговоры о реформах окажутся болтовней. В Союзный договор надо внести поправки, но не отказываться от него".

Оправившись от шока, вызванного августовским путчем, руководство Союза и республик вернулось к прерванной работе над преобразованием Союза и по политической, и по экономической линиям. Появились основания считать, что новоогаревский процесс удалось восстановить. Но как трудно, со сбоем, с периодическими откатами продолжался он в осенние месяцы!

Пока в Москве шла подготовка нового варианта Союзного договора, Ельцину, находившемуся в Сочи, был направлен документ - "Стратегия России в переходный период". На нем стояла надпись "Строго конфиденциально". Вот некоторые выдержки из этого документа, подготовленного в "мозговом центре" "Демократической России".

"До августовских событий руководство России, противостоящее старому тоталитарному центру, могло опереться на поддержку лидеров подавляющего большинства союзных республик, стремившихся к упрочению собственных политических позиций. Ликвидация старого центра неизбежно выдвигает на первый план объективные противоречия интересов России и других республик. Для последних сохранение на переходный период сложившихся ресурсопотоков и финансово-экономических отношений означает уникальную возможность реконструировать экономику за счет России. Для РСФСР, и так переживающей серьезный кризис, это дополнительная нагрузка на хозяйственные структуры, подрыв возможности ее экономического возрождения...

Объективно России не нужен стоящий над ней экономический центр, занятый перераспределением ее ресурсов. Однако в таком центре заинтересованы многие другие республики. Установив контроль за собственностью на своей территории, они стремятся через союзные органы перераспределять в свою пользу собственность и ресурсы России. Так как такой центр может существовать лишь при поддержке республик, он объективно, вне зависимости от своего кадрового состава, будет проводить политику, противоречащую интересам России".

Из двух названных ими формул объединения (экономический союз плюс немедленная политическая независимость или экономическая независимость плюс временное политическое соглашение) авторы записки безоговорочно рекомендовали избрать вторую. В соответствии с этим утверждалось, что "Россия должна воздерживаться от вступления в долгосрочные жесткие и всеобъемлющие экономические союзы", "не заинтересована в создании постоянно действующих надреспубликанских органов общеэкономического управления", "категорически отказывается от введения налоговых платежей в федеральный бюджет", "должна иметь собственную таможенную службу" и т.д.

Сущность этой концепции заключалась в том, что Россия должна была отказаться от своей роли "ядра" Союза. Мотив: сохранив свои ресурсы, Россия быстро разбогатеет. Было видно, что авторы записки воспринимают возникшую в результате путча угрозу распада Союза не как трагедию, а как победу.

Мы с Ельциным имели серьезный разговор об этой концепции. Он соглашался с моими аргументами против нее и, как мне показалось, был тогда искренен. Но и раньше с ним было так: поговорить, условишься о чем-то, а на следующий день он поступает наоборот. Так получилось и в этот раз.

В.З.: Вы уже говорили о том, что курс на развал Союза был фактически взят Ельциным уже давно. Кстати, Вы, наверное, видели книгу Л. Кравчука "Последние дни империи"? А ведь он там вполне ясно пишет: тайная согласованность действий Ельцина и лидеров Украины и Белоруссии установилась действительно давно - практически с того момента, как Вы развернули подготовку Союзного договора. Как пишет Кравчук, "тройка" старалась не привлекать лишнего внимания, был задействован очень узкий круг лиц. Это все стало известно теперь, а тогда (25 ноября) поворот в поведении Ельцина был ли для Вас неожиданностью?

М.Г.: Книгу Кравчука я не видел, почему-то он мне ее не прислал... А тогда у меня были только сомнения: вел ли Ельцин двойную игру все эти месяцы или же его убедили собеседники в Беловежской пушке? Но давайте по порядку.

Перед поездкой в Минск Ельцин встретился со мной и сказал, что цель его визита в Белоруссию - двусторонние российско-белорусские переговоры. Ельцин сказал, что не мыслит Союза без Украины и добавил: "Надо будет все сделать, чтобы убедить украинцев присоединиться к Союзному договору". Правда, сделал оговорку, которая тогда не привлекла особого внимания: "Если этого не получится, надо будет подумать о других вариантах".

Я нажимал на Ельцина - Украину можно вовлечь в договорный процесс и главное тут в том,

чтобы Российская Федерация первой обсудила и подписала договор. И тогда Украина никуда не денется, если восемь республик договор подпишут.

8 декабря встреча "тройки" состоялась. Ее участники объявили: "Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование". Они подписали соглашение о создании Содружества независимых государств.

Это не был какой-то принципиально новый документ. Я уже приводил высказывание Ельцина, и С. Шушкевич позднее подтвердил, что «существовал договор-заготовка, разработанный еще в феврале 1991 года славянской "тройкой" вместе с Казахстаном».

В 1993 году во время встречи с группой депутатов, с членами депутатской группы "Смена" один из них рассказал мне следующее (этот депутат был в 1991 году ярким сторонником Ельцина). После возвращения из Минска Президент России собрал группу близких к нему депутатов с тем, чтобы заручиться их поддержкой при ратификации минских соглашений. Его спросили, насколько они законны с юридической точки зрения. Неожиданно президент в течение 40 минут с вдохновением стал рассказывать, как ему удалось "навесить лапшу" Горбачеву перед поездкой в Минск, убедить его, что будет преследовать там только одну цель, в то время как на деле собирался делать прямо противоположное. "Надо было исключить Горбачева из игры", - признался Ельцин.

Комментарии, как говорится, излишни. Президент России и его окружение фактически принесли Союз в жертву своему страстному желанию воцариться в Кремле.

21 декабря 1991 года в Алма-Ате состоялось намеченное совещание глав независимых государств. Они подписали Декларацию в поддержку Беловежского соглашения. Там говорилось: "С образованием Содружества независимых государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование". Мои соображения, изложенные в послании участникам совещания, остались без внимания.

А 25 декабря в 19 часов я выступил по телевидению с последним заявлением: "В силу сложившейся ситуации - с образованием Содружества независимых государств - я прекращаю свою деятельность на посту Президента СССР. Принимаю это решение по принципиальным соображениям".

Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик, но одновременно и за сохранение союзного государства и целостности страны.

События пошли по другому пути. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться. "...Тем не менее я буду делать все, что в моих возможностях, чтобы соглашения... привели к реальному согласию в обществе, облегчили бы выход из кризиса и процесс реформ".

В.З.: Итак, Союз прекратил существование. Перестройка на этом завершилась.

М.Г.: Нет. Политика перестройки закончилась раньше. Августовский путч прервал ее на остром, важном этапе. После путча можно и нужно было продолжать эту политику. Но все зависело от того, сохранится ли Союз как единое государство. Он не сохранился. А после Беловежских решений, с начала 1992 года, о перестройке говорить уже нельзя - это была другая политика.

Вместо сохранения Союза в новой форме и с новым содержанием произошел развал страны; вместо поэтапного, эволюционного углубления реформ - "шоковая терапия", обвал производства и жизненного уровня людей; вместо последовательно демократических шагов - возведение насилия (вплоть до вооруженного, расстрел парламента в октябре 1993 года) в принцип государственной политики. Все это - уже не перестройка.

В.З.: Я продолжу свою мысль. Союз распался. Считаете ли Вы сегодня, что его все-таки можно было сохранить?

М.Г.: Безусловно, считаю. Срыв подписания нового Союзного договора - дело рук ГКЧП. Но и после этого можно было (я уже сказал об этом) продолжить процесс реформирования государства. После августа заговор в Беловежской пуще доконал Советский Союз.

Сейчас нередко можно слышать, что подготовленный к августу Союзный договор якобы означал разрушение Союза. Нет! Заключение договора было реальной альтернативой развалу Союза. Его подписание означало бы сохранение единого союзного гражданства, что было закреплено в нем отдельным пунктом. Гражданин государства, входящего в Союз, являлся бы одновременно и гражданином Союза (статья 2). Новый договор означал бы сохранение и

развитие единого союзного рынка. Сохранились бы единые (не объединенные) **Вооруженные Силы**, обеспечивались бы государственная безопасность Союза, единая **внешняя политика**.

Сохранение, обновление, реформирование Союза было моей главной политической, нравственной, если хотите, задачей на посту Президента СССР. Считаю, что самой моей большой бедой является то, что страну не удалось сохранить единой. На сохранении единства были сосредоточены все мои устремления.

В.З.: Скажите, для Вас было неожиданностью, что Верховные Советы республик высказались за Беловежское соглашение?

М.Г.: Я много думал об этом. Мне кажется, что Верховные Советы, как это ни парадоксально, тоже исходили из желания сохранить страну. А на деле помогли ее развалить. Они в буквальном смысле слова просчитались: думали, к договору, предложенному Горбачевым, присоединятся всего 7-8 республик, а к Беловежскому соглашению - сразу 11. И проголосовали "за".

К тому же в этой ситуации действовали и другие силы. В Верховном Совете России за Беловежское соглашение проголосовали почти единогласно (шестеро против). В Верховном Совете Белоруссии только один депутат (А. Лукашенко, нынешний Президент Белоруссии) выступил против. Так что же это? Та партийная номенклатура, что поддерживала в августе путчистов, чтобы сорвать подписание Союзного договора якобы для сохранения Союза, на этот раз проголосовала за развал Союза!

Был еще один мотив. Коммунист В. Севастьянов, известный своими фундаменталистскими принципами, выступая в прениях по вопросу о Беловежском соглашении, высказал такой аргумент: "я голосую и призываю всех проголосовать за Беловежское соглашение для того, чтобы избавиться от Горбачева..." И тут тоже сомкнулись крайне правые и крайне левые.

В.З.: И последний момент, касающийся прошлого. Вы уверены, что использовали все полномочия Президента для сохранения Союза после Беловежского соглашения?

М.Г.: Решительно все политические методы. Меня спрашивают иногда, почему не применил силу, не арестовал участников Беловежского соглашения? Но ведь это значило бы вступить на путь террора, могущего стать кровавым. Этот путь для меня был закрыт. Он противоречил всей нравственной ориентации перестройки.

Верховные Советы республик и обманутые ожидания граждан Советского Союза лишили меня права принять жесткие решения по отмене Беловежского соглашения.

В.З.: А теперь обратимся к последующему периоду. Как Вы оцениваете итоги существования Содружества независимых государств? Ведь прошло уже шесть лет - за это время определенные результаты должны были выявиться.

М.Г.: Итоги эти налицо, я о них не раз говорил. Но давайте попробуем их проанализировать.

Прежде всего инициаторы распада Союза утверждали: порознь все заживут лучше. Но прошедшие годы опровергли этот тезис. Повсюду на постсоветском пространстве деградировали экономика и культура, впало в нищету большинство населения. На практике подтвердилось, что никакие экономические методы не могут быть эффективными в условиях развала целостных систем: транспортной, энергетической, связи и информации, здравоохранения, науки, народного образования, социального обеспечения. Даже Россия, обладающая наиболее мощным экономическим потенциалом и природными ресурсами, не смогла избежать невиданного в мирное время обвала производства, упадка почти всех сфер жизнедеятельности.

Далее, к моменту предполагавшегося подписания нового Союзного договора в стране был заложен фундамент демократии. Начали складываться гражданское общество и правовое государство. Распад Союза не только прервал этот процесс, но и привел к выхолащиванию демократических институтов. Они все больше используются как ширма для господства номенклатурно-бюрократического капитала. Россия, задававшая тон демократизации советского общества, показывает Содружеству дурной пример. Разгон и расстрел Верховного Совета, силой навязанная стране антидемократическая Конституция 1993 года, посягательства на свободу печати, на свободу совести, засилье бюрократии - все это зловещие признаки сползания к авторитарной власти.

Истекшие годы опрокинули надежды на то, что Россия сумеет стать достойной преемницей Союза, унаследует его международный авторитет. Ослабленная ситуацией в экономике, политической нестабильностью, Россия растеряла многие позиции на международной арене; С ее мнением все меньше считаются. Нельзя сказать, чтобы и другие бывшие союзные республики сильно выиграли от нынешнего суверенного существования. А некоторым угрожает участь объектов геополитических игр и неокOLONиального грабежа.

Распад Союза очень осложнил формирование нового международного климата, который мог воцариться после "холодной войны". СССР цементировал огромное евроазиатское пространство. Россия не в состоянии взять на себя эту миссию. Постсоветское пространство не раз уже становилось полем вооруженных конфликтов, террористических актов, разгула преступности и наркомафии.

Внешне Содружество вроде бы функционирует - организуются встречи на высшем уровне и на уровне министров, проводятся заседания Парламентской ассамблеи (она, пожалуй, более активна). Заключались и таможенные договоры, и другие соглашения. В целом в рамках Содружества было принято уже несколько сотен обязывающих документов. Но в подавляющем большинстве случаев они не действуют или действуют формально. Общей инфраструктуры ни в одной области пока не создано. Локомотивом интеграции СНГ пока не стало.

Хочу напомнить - в Беловежском соглашении были торжественно объявлены далеко идущие цели: предусматривались сохранение и поддержание под объединенным командованием общего военно-стратегического пространства; координация внешнеполитической деятельности; сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства; развитие систем транспорта и связи; охрана окружающей среды и миграционной политики. В дополнительном заявлении правительства трех государств обещали проводить скоординированные радикальные экономические реформы, заключить межбанковское соглашение, направленное на ограничение денежной эмиссии, и т.д. Где все это? Осталось только на бумаге.

У меня нет сомнений - при наличии политической воли все эти обязательства могли быть выполнены.

В.З.: Значит, дело в нехватке политической воли? А не более ли глубоки причины превращения объявленных целей в пустой звук?

М.Г.: Конечно, более глубоки. Сейчас, зная все, что произошло, я могу сказать: подписанты Беловежских соглашений с самого начала не собирались выполнять взятые ими на себя обязательства. Они шли на сознательный обман своих народов: ведь им было ясно, что они смогут получить поддержку лишь в том случае, если сделают вид, будто заботятся о сохранении Союза, пусть в виде Содружества.

Обмануть общественное мнение, ввести его в заблуждение, чтобы парализовать его возможное сопротивление начатой операции, - вот в чем состояла их цель. Мы сохраняем все, к чему стремится Горбачев со своим договором, но при этом объединяем почти все республики, кроме прибалтийских. А на горбачевской основе готовы объединиться якобы лишь шесть-восемь республик, причем без Украины.

Вообще (это видно из сказанного выше) российские лидеры, как и их партнеры по "тройке", с самого начала все строили на обмане. Перед страной, перед мировым сообществом они провозглашали одно, а делали другое.

Сам замысел Содружества был лишен подлинного импульса к сотрудничеству. Отсюда и все проблемы сегодняшнего дня. Конечно, немалую роль играет и "субъективный фактор" - личность политиков государств - членов СНГ (я отдельно выделил бы президента Казахстана Н. Назарбаева - он как раз упорно настаивал и настаивает на развитии интеграционных процессов). "Верхи" в странах СНГ играют на "флейте суверенности" и не хотят поступиться даже крупницей власти. А без этого невозможно никакое объединение.

Особо следует отметить ответственность руководства России. Кстати, далеко не случайно на состоявшемся уже осенью 1997 года в Кишиневе очередном саммите СНГ все его участники критиковали именно Россию, ее руководство за то состояние паралича, в котором находится Содружество. Президент Ельцин даже признал критику справедливой: он ведь уже несколько лет председательствовал в Совете глав государств, а дело не двинулось с мертвой точки. Пока не ясно, какие выводы он сделал (или сделает) из острой критики и самокритики. Но многого я и не жду.

В.З.: И все-таки в последнее время какие-то подвижки в сторону активизации сотрудничества вроде бы наметились? Заключены договор о союзе с Белоруссией, договор с Украиной. Были и другие шаги.

М.Г.: Да, Вы правы. Эйфория по поводу независимости прошла, наступило определенное протрезвление, а это сопровождается изменениями в общественном мнении и даже в позиции части политических элит.

В этих условиях обозначились новые моменты в формировании отношений внутри СНГ, прежде всего между Россией и другими государствами - членами. Тут сталкиваются различные интересы и разыгрываются самые разные карты: и Россией, и новыми государствами на территории бывшего СССР, и их соседями, и Западной Европой, и Соединенными Штатами Америки. Все это заслуживает отдельного анализа. Но сейчас я остановлюсь только на том, что касается затронутой темы.

Речь идет прежде всего о естественных процессах интеграции, которые набирают силу во многих регионах мира и в мировом масштабе. Для постсоветского пространства эта проблема стоит крайне остро. Все видят, к каким тяжелейшим последствиям привел разрыв исторически сложившихся многообразных связей во всех сферах жизни. Но если есть понимание этого, то разве не логично искать новые формы сотрудничества и интеграции? Тем не менее ни в России, ни в так называемом ближнем зарубежье необходимой ясности в этом вопросе нет.

В России предложения о более тесном сотрудничестве со странами ближнего зарубежья многими воспринимаются с подозрительностью, если не сказать больше. Тут играют роль и политические мотивы, так как возникает вопрос об ответственности за разрушение прежнего Союза, и экономические, связанные с трудностями, переживаемыми сейчас Россией.

Но присутствует и то, что прямо не говорится, но просматривается в позиции российских властей. России выгоднее нынешнее положение вещей, так как в отсутствие многосторонних договорных механизмов интеграции легче вести дифференцированную политику на двусторонней основе, осуществлять свой маневр, преследовать свои интересы за счет интересов других, навязывать свою волю.

Совершенно иная картина - общественное мнение, мнение самих россиян. Последние социологические исследования показывают, что люди все больше понимают: их обманули. Но пока еще они не могут, не готовы заставить своих правителей серьезно подойти к вопросам интеграции в рамках СНГ.

Правда, печать и телевидение России стремятся внушить людям, что сейчас, мол, надо думать о том, "как жить в России", а все остальное якобы не имеет значения. Но на самом деле "как жить в России" - это и есть вопрос о том, что делать с интеграцией: как строить отношения с государствами СНГ. В сущности это две стороны одной медали, если, конечно, не заниматься построением схоластических схем, игрой ума, а иметь мужество трезво оценить ситуацию, настроения людей, их тягу к сотрудничеству.

То же - и в других бывших республиках. Конечно, за прошедшие годы все новые независимые государства прошли немалый путь, укрепили свой суверенитет. Но в массовом сознании интересы, связанные с исторической, экономической, культурной, научной общностью, сохраняются.

Иная позиция у Запада. Там с крайней предвзятостью судят об интеграции постсоветского пространства. Ее воспринимают не иначе, как попытки возрождения российской или советской империи. И не только не скрывают этого, но и активно противодействуют сближению новых независимых государств, особенно Украины и России. Но такая политика по меньшей мере близорука. Она ведет к результату, противоположному тому, которого ожидают, подталкивая Россию к действиям в духе имперской политики.

Интеграция, осуществляемая в рамках определенных правил, на четкой правовой основе, на принципах равенства, при полной добровольности, предусматривающая создание эффективных многосторонних механизмов, которые ограничивали бы проявление каких бы то ни было имперских амбиций, наилучшим образом отвечала бы правильно понятым интересам и России, и Запада, и всего мирового сообщества. Но чтобы это стало возможным, многое должно измениться: политика самой России, позиции стран СНГ, ориентиры Запада.

В.З.: Иначе говоря, Вы исходите из того, что Союз (конечно, в совершенно новом его облике) воссоздать можно?

М.Г.: Да, я считаю, что Союз необходим и что он возможен. В пользу этого, как я уже упоминал, говорят и стратегические, экономические, культурные факторы и прежде всего

факторы человеческие. Но, решая эту проблему, мы должны ответить на несколько главных вопросов концептуального характера.

Первое. Возможно ли начало движения к новому Союзу? Если учесть, что во главе стран СНГ в большинстве стоят политики, участвующие либо в Беловежском, либо в Алма-Атинском соглашениях, если оценить то, как они действовали до сих пор в рамках СНГ, то прямо скажу, они не вызывают у меня оптимизма. Я мало верю в то, что они проявят политическую волю и будут инициаторами данного процесса. Думаю, локомотивом возрождения, двигателем процесса реинтеграции могут стать парламенты, которые имеют мандат от народа.

Второе. Что дальше? Возврат к СССР? Сегодня это, я бы даже сказал, **реакционная идея**. Конечно, мы все переживаем за страну, в которой мы жили и за которую несли ответственность. Но реальность такова, что, хотим мы этого или нет, существуют независимые государства. Это самое главное. И разве можно это игнорировать?

Поэтому возврата к СССР, я думаю, быть не может. Если мы выдвинем такой лозунг, более того, начнем строить политику, адекватную ему, мы потерпим поражение. Это будет поражение всех тех, кто переживает за страну и за то, что будет с нами дальше. Мой ответ: надо налаживать отношения России с независимыми республиками. Думаю, республики согласятся создать межгосударственное образование с равноправными экономическими связями.

Некоторые говорят: надо возродить Россию, которая была до Октябрьской Революции, до создания Союза. Я спрашиваю: что это значит? Вы хотите игнорировать все 69 лет существования Союза, когда уже были союзные республики? В каких бы сложных условиях они ни развивались, но это наша история, которую нельзя перечеркнуть. Противопоставлять республики друг другу - значит толкать народ к кровопролитию. Кстати, именно об этом я всегда помнил. Это то, чем я руководствовался.

Итак, встает проблема - новый Союз. Какой? Федерация, конфедерация, экономический союз типа ЕЭС? В каком составе? Союз славянских государств, славянский союз плюс Казахстан? И так далее. Все эти вопросы требуют ответа, если вести серьезный разговор, если мы готовы выходить на серьезную политику.

Я считаю, что сейчас реальна идея союза четырех государств: трех славянских и Казахстана. Пусть СНГ живет по своим правилам и своим законам. Но надо сразу решительно заявить: "Вот плотный, настоящий союз. Вот форма сотрудничества этих государств. Вот ядро".

Надо решительно выступить против политических спекуляций на этой теме. Если мы останемся в рамках старого мышления и старой философии - мы ни на шаг не продвинемся в поисках политики, адекватной времени. Эйфории быть не должно. Я был во многих регионах России. Настроение у региональных политических элит такое: спешить с Союзом не надо. И так, мол, тяжело, не знаем, как решать проблемы, особенно экономические и социальные. Вся ответственность лежит на регионах. Не будет ли означать создание Союза, что мы должны опять делиться финансами и ресурсами с другими республиками?

Политологи, с которыми я встречаюсь ежемесячно, - люди разных идеологических пристрастий - постоянно подчеркивают вот какой момент. На вопрос, готовы ли вы согласиться на определенное снижение уровня жизни, чтобы все-таки вновь объединиться и оказать помощь республикам, очутившимся в еще более трудном положении, ответ чаще всего (почти 2/3) - "нет, не хотелось бы". И в то же время уже продолжительное время делаются опросы в четырех республиках: славянских и в Казахстане, и 72-75% опрошенных выступают за возрождение Союза в новом виде.

Повторяю, эйфории не должно быть, мы лишь дискредитируем идею реинтеграции. Тогда труднее будет начать этот процесс, который сегодня идет снизу. Поэтому, я думаю, нужно идти в русле политических поисков. Если будет политическая декларация такого союза четырех государств (к нему тоже, может быть, не сразу подойдет), за этим последует экономический союз, согласование оборонных проблем, возможно и двойное гражданство. Это сразу снимет массу проблем и на Украине, и в Казахстане, и в России.

Таковы мои соображения, такой видится мне общая концепция. Хочу лишь напомнить: не имея общей концепции, мы будем все время наткаться на нерешенный главный вопрос.

Итак, речь не идет о восстановлении единого государства. Народы Содружества не откажутся от самостоятельности. Народы России ничего не выиграют от претензий на политическое господство. Нужен разумный баланс между самостоятельностью участников Союза и полномочиями его общих институтов.